

---

## Рафаил Шоломович Ганелин: творческий путь историка

*Александр Пученков*

12 октября 2014 г. в Санкт-Петербурге скончался выдающийся историк, член-корреспондент Российской Академии наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ, кавалер ордена Дружбы Рафаил Шоломович Ганелин.

Он умер, не дожив 4 дня до своего 88-летия. Говорить о Рафаиле Шоломовиче в прошедшем времени – попросту невозможно. В последние 30–40 лет своей жизни Ганелин был не просто знаменитым учёным, автором около 400 работ, многие из которых стали классическими, но и живой легендой профессионального клуба петербургских историков, его признанным лидером и основным генератором идей. К нему относились с особым почтением, и вовсе не в силу его академического «генеральства», как он выражался, подразумевая статус члена-корреспондента РАН, а цenia приобретённый им нравственный авторитет среди коллег, видевших в нём своеобразное олицетворение совести в науке. Многочисленные собеседники, ученики и друзья запомнят его добрую, слегка лукавую улыбку, юношеский задор, невероятный интерес ко всему, связанному с профессией и её внутренними проблемами, удивительную работоспособность (до последнего дня жизни учёный писал свои, как он говорил, «писульки», с ближайшей оказией передавая рукописи для перепечатки в машинописное бюро института), подвижническую, почти 60-летнюю службу в Санкт-Петербургском институте истории РАН, который он до последних дней по привычке называл ЛОИИ.

Рафаил Шоломович отличался исключительной доброжелательностью. Как отметил профессор Ю.Г. Алексеев, «Ганелин был человек, который любил и умел помогать людям»<sup>1</sup>. Десятки, если не сотни кандидатов и докторов наук могут назвать себя его учениками: даже не являясь их номинальным «научным руководителем», он оказывал им всевозможную поддержку на всех стадиях подготовки диссертации (называя это «родовспоможениями»), а на банкете после защиты неизменно поднимал дружеский тост, желая защитившемуся поскорее «обвакаться». Ещё большее число историков должны быть благодарны ему за простое человеческое участие, помощь и мудрый житейский совет. «География» знакомств и деловых контактов Ганелина была чрезвычайно обширна. Сложно назвать известного московского или петербургского историка, который не был бы лично знаком с Рафаилом Шоломовичем. Среди его друзей были такие историки, как Б.В. Ананьич, П.В. Волобуев, В.А. Емец, К.Н. Тарновский, А.А. Фурсенко. В течение долгих лет он общался, сотрудничал и дружил с Л. Хаймсоном, У. Розенбергом, А. Рабиновичем и многими другими западными

---

© 2015 г. А.С. Пученков

<sup>1</sup> Интервью с заслуженным деятелем науки РФ, профессором СПбГУ Ю.Г. Алексеевым. 15 октября 2014 г. Санкт-Петербург. Архив автора.

русистами<sup>2</sup>. Его широкой известностью за рубежом в значительной степени объясняются и прочные международные связи Санкт-Петербургского института истории РАН. Хорошо известны ему были и исследователи из различных регионов России. Не случайно до самой смерти Ганелин не раз становился третейским судьёй в различных научных или околонучных спорах – его авторитет, харизма и знания позволяли с успехом осуществлять эту миссию.

Будучи человеком непростым, заслуженно добившимся высоких отличий, Ганелин всегда оставался принципиален, порой до упрямства. Несмотря на всеобщее признание в научных кругах, действительным членом РАН он так и не стал. Да и в «начальство», по его собственному выражению, никогда «не лез», не имея каких-либо административных амбиций (стать руководителем института, деканом и т.д.). Единственное его, как он говорил, пребывание «у власти» сводилось к краткосрочному заведыванию группой истории СССР периода капитализма Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1973–1977 гг. Но даже этот пост Ганелин согласился занять лишь по личной просьбе тогдашнего заведующего ЛОИИ Н.Е. Носова и своего близкого друга П.В. Волобуева, в 1970–1974 гг. возглавлявшего Институт истории АН СССР<sup>3</sup>. При этом он всегда оставался беспредельно предан служению науке, которое приобретало у него, человека в общем-то атеистического склада ума, почти религиозный характер. Всех, знавших его, поражала его неистовая, буквально юношеская влюблённость в профессию. Священна для него была и петербургская историческая школа (сам он называл её просто «традицией»), олицетворением которой его считали все, кому довелось с ним познакомиться. По словам профессора Ю.Г. Алексеева, Рафаил Шоломович «был одним из лучших представителей петербургской академической традиции, ярчайшим продолжателем той школы, основателями и олицетворением которой был не только его учитель Борис Александрович Романов, очень многое давший своему ученику, но и предшественники Романова – Сергей Фёдорович Платонов, Александр Евгеньевич Пресняков, а прежде ещё Константин Николаевич Бестужев-Рюмин»<sup>4</sup>.

Знакомясь с молодыми исследователями, Р.Ш. Ганелин сообщал им своё кредо: чтобы стать Историком, специалист прежде всего обязан «соблюдать себя» – не писать и не подписывать халтурные или конъюнктурные работы, не опирающиеся на анализ источников. «В изучении истории, – напоминал он, – главное – источник, который требует внимания и уважения к нему: надо не просто читать источник, но и изучать его, источника, историю: кто писал те или иные воспоминания, докладную записку..., зачем писал, какую цель преследовал автор этого документа при его написании, в каких конкретных исторических условиях он его создавал, на чьё имя адресован этот документ, и каков был характер начальника того чиновника, который создавал эту докладную»<sup>5</sup>.

<sup>2</sup> Об американской русистике: интервью с Р.Ш. Ганелиным // *Крымская А.С.* Становление и развитие института американских стажёров в Санкт-Петербурге: К 55-летию Соглашения об обменах между СССР и США в области культуры, техники и образования. СПб., 2014. С. 126–131. См. также: *Ганелин Р.Ш.* Зарубежная русистика и советология в идеологической политике СССР // *Россика и русистика новейшего времени: Материалы международной конференции памяти А.А. Фурсенко (1927–2008).* 4–5 июля 2009 г. СПб., 2010. С. 31–37.

<sup>3</sup> *Ганелин Р.Ш.* Группа истории СССР периода капитализма ЛОИИ (30 лет назад) // *Страницы истории: Сборник научных статей, посвящённых 65-летию со дня рождения профессора Григория Алексеевича Тишкина* / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин, сост. А.С. Крымская. СПб., 2008. С. 298.

<sup>4</sup> Интервью с заслуженным деятелем науки РФ, профессором СПбГУ Ю.Г. Алексеевым...

<sup>5</sup> Интервью с Р.Ш. Ганелиным. 25 сентября 2014 г. Архив автора.

Полагая, что учёному следует не просто верить в необходимость своей профессии для общества и власти, но и добиваться права быть ими услышанным, Рафаил Шоломович активнейшим образом выступал в импонировавшей ему роли правозащитника и яростного оппонента осуществляющейся «бездумной», по его мнению, реформы РАН. «Даже Сталин, – говорил он за три дня до смерти, – бережнее, чем нынешние власти, относился к науке, понимая, что “калькулятор” и творчество – разные вещи». В одном из своих последних выступлений на заседании Учёного совета Санкт-Петербургского института истории РАН Ганелин заявил: «Полагаю, что в деле обеспечения интеллектуального научно-технического прогресса во всех областях государственной и хозяйственной жизни руководство страны должно видеть свой национальный долг в опоре на РАН, не надеясь изобрести двигатель, рассчитанный на энергию конторско-бухгалтерского руководства и реформаторства. Управляемая наука – это жареный лёд»<sup>6</sup>. Огосударствление он считал не только вредным для науки, но и невыгодным для власти: «Жёсткая регламентация науки – гибель для неё. Плохо, когда учёным платят маленькую зарплату и вынуждают их больше думать о заработке, а не о науке. Но ещё хуже, когда над учёным ещё и висит погонялово, что его могут выгнать, не провести по конкурсу, что обязан в своей работе строго следовать предписанным планам. Это полная катастрофа для исследователя: только свободно мыслящий человек способен вершить науку. Понятно, что современных молодых чиновников-менеджеров научная вольница сильно раздражает: они мыслят бухгалтерскими категориями, академический подход им незнаком и непонятен... Академические институты и их исследования нужны, чтобы представления о мире и его социальной и экономической природе стали достоянием не только общества, но и элементом государственного управления. Их огосударствление нанесёт удар по государственной политической работе. Государственная политика должна опираться на науку»<sup>7</sup>. Коллег неизменно поражало в Ганелине не только удивительное знание им «кухни», как он выражался, профессионального мира историков, но и умение увязывать повороты и изменения историографических оценок с событиями текущей политики. Человек своего поколения, работу по реконструкции того или иного явления и факта он начинал именно с попытки перекинуть мостик от, казалось бы, частной научной дискуссии, к «башням священного Кремля».

Испытывая в последние годы ограничения в передвижении (сам он любил над собою подшучивать: «я теперь уже не ходок»), Рафаил Шоломович продолжал активно общаться с коллегами, испытывая своеобразный «голод на новых людей». В его доме на Гражданском проспекте были искренне рады гостям. Ганелина всегда отличало искреннее, не наигранное внимание к собеседнику, желание услышать его и обязательно ему помочь. К тому же он был потрясающий рассказчик, щедро делившийся историями из своей жизни – всегда весёлыми, остроумными и поучительными. «Я просто люблю поговорить», – несколько извиняясь, сообщал он, начиная очередной рассказ. Вспоминая тот или иной случай, Ганелин мастерски «проигрывал» его, изображая в лицах участников

---

<sup>6</sup> Доклад Р.Ш. Ганелина «РАН и государственная власть». Февраль 2014 г. (URL:<http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/03/ганелин.pdf>).

<sup>7</sup> Ганелин Р. Власть себя трезво не оценивает // Новая газета (Санкт-Петербург). 2013. 22 июля.

данного события, делая смысловые или театральные паузы<sup>8</sup>. «Одно из самых примечательных качеств Рафаила Шоломовича, – писал академик А.А. Фурсенко, – это его поразительная память и талант рассказчика, умеющего подметить и передать самые, казалось бы, невидимые стороны различных событий: от бытовых сцен до эпизодов большой политики, свидетелями которых он был сам или узнал об этом от своих многочисленных собеседников и друзей»<sup>9</sup>. «Как человек, который был лишён в детстве по состоянию здоровья (возможности. – А.П.) принимать участие в мальчишеских забавах, – рассказывал Ганелин, – я вынужден был развлекаться наблюдательностью, примечая особенности поведения людей, которых я знал и которые мне были интересны»<sup>10</sup>.

Рафаил Шоломович родился 16 октября 1926 г. в Ленинграде в семье педагогов. Его отец Шолом Израилевич Ганелин (1894–1974) был известным учёным, членом-корреспондентом АПН РСФСР, многие годы преподававшим педагогику в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена (ныне – РГПУ им. А.И. Герцена)<sup>11</sup>. Когда после продолжительной болезни скончалась его мать – Зельма Рафаиловна Соркина-Ганелина (1892–1931), работавшая учителем русского языка и литературы, воспитанием Рафаила Шоломовича фактически стала руководить его мачеха – педагог-фтизиатр Берта Ильинична Синельникова (1894–1952). «Духовной основой её существования было служение», – вспоминал позднее историк<sup>12</sup>. В 1934 г. Р. Ганелин поступил в 1-ю Петроградскую образцовую среднюю школу (ныне № 67), семь классов которой окончил в 1941 г. В том же году его эвакуировали вместе с семьёй отца сначала в Ярославскую обл., а затем – в г. Бийск Алтайского края, где он и получил аттестат<sup>13</sup>.

В своей автобиографии, заполненной при поступлении на работу в ЛОИИ в 1955 г. Рафаил Шоломович писал: «В 1944 г. поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта (в Москве), откуда в сентябре

---

<sup>8</sup> Не случайно, видимо, в актёрской профессии успешно проявили себя сын Рафаила Шоломовича – заслуженный артист России Евгений Ганелин и внук Саша (оба играют в труппе театра им. В.Ф. Комиссаржевской).

<sup>9</sup> *Фурсенко А.А.* Предисловие // Россия в XIX–XX вв.: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998. С. 4.

<sup>10</sup> «Наблюдательность, – признавался он, – потом помогала мне при работе над источником» (*Фурсенко А.А.* Предисловие. С. 4).

<sup>11</sup> «У нас в семье, – писал Рафаил Шоломович, – часто возникало сожаление по поводу того, что отец тратит на чужие работы так много времени в ущерб собственным. И это при том, что он работал каждый день с утра до вечера, отрываясь лишь для поездок на работу и иногда в филармонию. Но отец не только любил своих учеников, но очень ценил общение с ними. Такую же черту я и мои университетские товарищи по историческому факультету наблюдали у наших учителей С.Н. Валка и Б.А. Романова, для которых самыми интересными были практические занятия на первом курсе. На экзаменах он старался выяснить не столько знание вопросов билета, сколько собственное отношение студентов к ним. Часто расспрашивал о жизни на родине, в различных районах страны, о студенческом быте. Объяснял экзаменационные неудачи недоением и посылал в буфет за бутербродами» (Воспоминания о моём отце – Ш.И. Ганелине // *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чём они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2006. С. 376–377). С аналогичной практикой «кормления» уже не студентов, а аспирантов столкнулся и автор этих строк, в 2003 г. слушавший лекционный курс Р.Ш. Ганелина в СПбГУ.

<sup>12</sup> *Ганелин Р.Ш.* Б.И. Синельникова – ленинградский врач 1920-х – 1940-х годов // *Ганелин Р.Ш.* Советские историки... С. 384.

<sup>13</sup> *Цамутали А.Н.* Р.Ш. Ганелин и его научное наследие // Рафаил Шоломович Ганелин: биобиблиографический указатель / Отв. ред. А.Н. Цамутали, сост. А.С. Крымская, И.Ю. Гаврилова. Брянск, 2012. С. 8.

1945 г. перевёлся на 2-й курс исторического факультета Ленинградского государственного университета, сдав предварительно экстерном за 1-й курс. В университете вступил в ВЛКСМ, был избран в факультетское бюро ВЛКСМ, работал в Совете СНО. Специализировался по кафедре новой истории, занимаясь проблемами истории США и их внешней политики. По окончании университета был оставлен в аспирантуре. Начиная со 2-го курса аспирантуры, был привлечён к преподавательской работе: вёл спецкурс, спецсеминар «История одной страны»; участвовал в чтении коллективного курса по историографии нового времени и т.д. Одновременно читал 70-часовой курс истории внешней политики США в Ленинградском государственном педагогическом институте. Выступал с рядом научных и научно-политических статей в газетах и журналах. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском университете. С октября 1953 г. работаю в качестве ассистента кафедры истории Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской»<sup>14</sup>.

По словам многолетнего коллеги Р.Ш. Ганелина по ЛОИИ А.Н. Цамутали, во второй половине 1940-х гг. «на историческом факультете Ленинградского университета были все возможности для серьёзных занятий наукой»<sup>15</sup>. В то время там преподавали Б.Д. Греков, С.Н. Валк, В.В. Мавродин, Е.В. Тарле, Н.П. Полетика, под руководством которого Р.Ш. Ганелин начал работу над кандидатской диссертацией. Тогда же, ещё будучи студентом, он сблизился с Б.А. Романовым, работавшим в ЛОИИ, а по совместительству являвшимся профессором кафедры истории СССР истфака ЛГУ. В 1951 г. Полетика вынужден был уехать в Ташкент, Рафаил Шоломович на время остался без научного руководства, и его, как он выражался, «окончательно прибило» к Романову.

Отношения с учителями занимали в жизни Ганелина особое место. Для него они были «мой первый университетский учитель Николай Павлович Полетика» и «мой учитель и мой бог Романов». Борис Александрович Романов действительно сыграл определяющую роль в жизни Рафаила Шоломовича<sup>16</sup>. Знакомство с «блестящей» книгой Романова «Россия в Маньчжурии»<sup>17</sup> он называл «судьбоносным для моей научной биографии». Именно благодаря ей у него возник интерес к империализму, феномену неограниченной власти и её воздействию на «психику народа и сознание интеллигенции». «Образцовой монографией» Ганелин считал и «Очерки дипломатической истории русско-японской войны»<sup>18</sup>.

Для самого Романова общение с учениками было особенно важно. «Ученичество, оказывается, нечто большее, чем кровная связь (для учителя, вероятно, даже больше, чем для ученика), — писал он А.А. Фурсенко. — Для меня это не личная привязанность, а смысл и цель жизни в широком смысле»<sup>19</sup>. Своих

<sup>14</sup> Автобиография Р.Ш. Ганелина. 26 июня 1955 г. Архив автора.

<sup>15</sup> Цамутали А.Н. Указ. соч. С. 9.

<sup>16</sup> «Моё положение между Б.А. Романовым и Полетикой (у Б.А. было такое выражение — «дети двух матерей») не вызывало затруднений, — вспоминал Рафаил Шоломович, — они относились друг к другу весьма уважительно» (Ганелин Р.Ш. Советские историки... С. 88).

<sup>17</sup> Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

<sup>18</sup> Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.; Л., 1947. «Эталоном исследовательского мастерства» признавал её и выдающийся российский историк Д.Н. Альшиц (1919–2012) (Альшиц Д. Сквозь строй эпох: Воспоминания об удивительных людях в удивительных обстоятельствах. СПб., 2011. С. 121).

<sup>19</sup> Ананьич Б.В., Панях В.М. Александр Александрович Фурсенко — ученик Бориса Александровича Романова // Россия и русистика новейшего времени... С. 27.

учеников Романов называл «мои сыны», «дети»<sup>20</sup>, а те в свою очередь величали его между собой «старцем»<sup>21</sup>. Фактически круг ближайших учеников Романова начал складываться в 1946 г. В него входили будущие академики А.А. Фурсенко и Б.В. Ананьич, член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин, один из крупнейших специалистов по истории России XVI–XVII вв. В.М. Панеях. Успех каждого из них безмерно радовал Бориса Александровича, научившего всех их, по собственному определению, «плавать»<sup>22</sup>. Он стремился хотя бы через день говорить с ними по телефону, а «его забота была трогательной и поистине отеческой»<sup>23</sup>. Эту традицию «созваниваться» хотя бы раз в несколько дней, равно как и отеческую заботу об учениках, перенял и Р.Ш. Ганелин, до конца своих дней с благоговением вспоминавший о Б.А. Романове и посвятивший ему ряд статей<sup>24</sup>. При этом он всегда отмечал, что «профессии меня научил именно Романов». Борис Александрович, именовавший Ганелина своим «молодым другом», «Раней», оказывал ему деятельную поддержку вплоть до своей смерти<sup>25</sup>. «Формально Ганелин был учеником Полетики, – писал он 6 июля 1953 г. Е.Н. Кушевой, – но тот года два назад откочевал в Ташкент, и руководителем Ганелину назначили абсолютно непричастного некоего Кухарского. Ко мне же Раню прибило ещё на втором его курсе, а когда я его спросил, что его ко мне тянет, он объяснил м[ежду] п[рочим], что учился он конкретному распознаванию империализма на моей “России в Маньчжурии” (!) И у нас установились не “ученические”, а просто дружественные отношения (и я думаю, что он тут только познакомился с тем, что такое внимательное отношение к чужой работе и интересам). Когда он (в полном сознании моей болезни, полуслепоты и рискованности ставить ставку на такую лошадь) всё же издали завёл речь о моём оппонентстве, вместо рекомендованного мною Тарле, у меня не оказалось силы вовсе отказать ему, хотя я ясно дал ему понять непрактичность его желания. И до самого дня диспута дело висело на ниточке. Я и сейчас не уверен, что мой отзыв поможет ему... Но это уже его дело»<sup>26</sup>. Уход Б.А. Романова из жизни стал для всех его учеников «невосполнимой утратой и большим личным горем». Вплоть до 2014 г. они ежегодно встречались в день кончины своего учителя у его могилы на Охтинском кладбище.

Именно Романов сыграл определяющую роль в приёме Рафаила Шоломовича на «службу»<sup>27</sup>, как Ганелин всегда именовал свою деятельность в ЛОИИ

---

<sup>20</sup> *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 343.

<sup>21</sup> *Ганелин Р.Ш.* Советские историки... С. 124.

<sup>22</sup> *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка... С. 348.

<sup>23</sup> Там же. С. 344–345.

<sup>24</sup> См., например: *Ганелин Р.Ш.* Б.А. Романов – историк революционного движения в России // Проблемы социально-экономической истории России: к 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. СПб., 1991. С. 41–53; *он же.* «Россия в Маньчжурии» Б.А. Романова // Российская действительность XIX–XX вв. и революционный процесс. СПб., 2012. С. 219–238; *он же.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке под пером Б.А. Романова // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: Сборник докладов межвузовской научной конференции. Санкт-Петербург. 29 ноября 2013 г. СПб., 2014. С. 7–15.

<sup>25</sup> Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1945–1957 годов. СПб., 2010. С. 303, 307. «Раней» А.Н. Цамутали, В.А. Нардова, Б.В. Ананьич и В.М. Панеях продолжали называть Р.Ш. Ганелина до его смерти.

<sup>26</sup> Там же. С. 308.

<sup>27</sup> *Ганелин Р.Ш.* Советские историки... С. 114. «У меня радость, – писал Б.А. Романов Е.Н. Кушевой 24 июля 1955 г., – пришло назначение Рани Ганелина в ЛОИИ. Это хорошее

(вновь открывшемся после упразднения в 1953 г. в ходе очередной кампании по борьбе с «космополитизмом и буржуазным объективизмом»<sup>28</sup>). С 20 июля 1955 г. вплоть до смерти основным местом работы Р.Ш. Ганелина оставался Ленинградский, а затем Санкт-Петербургский институт истории РАН. По словам Н.Н. Смирнова, «вся профессиональная жизнь Рафаила Шоломовича оказалась связана с ЛОИИ, он был душой и совестью института»<sup>29</sup>. Историк был беспредельно предан институту, в общем-то, без ЛОИИ не мыслил своего существования. Здесь он последовательно занимал должности младшего (1955–1963), старшего (1963–1983), ведущего (1986–1989) и, наконец, главного (с 1989) научного сотрудника. В 1970 г. ему была присуждена учёная степень доктора исторических наук, а 6 декабря 1991 г. Рафаила Шоломовича избрали членом-корреспондентом Академии наук.

Все эти годы Ганелин провёл в отделе «капиталистов», как сам он его называл (иногда, впрочем, говоря «по-Романовски»: «империалистический отдел»<sup>30</sup>). Это подразделение Рафаил Шоломович до самой смерти продолжал считать «институтобразующим»<sup>31</sup>. В ЛОИИ он в значительной степени ушёл от американистики в отечественную историю, приняв участие в написании коллективных трудов, посвящённых революционным событиям начала XX в.<sup>32</sup> В 1950–1970-е гг. отдел переживал свой расцвет: в нём трудились тогда такой маститый учёный, как С.Н. Валк, а также молодые Б.В. Ананьич, В.Н. Гинёв, В.С. Дякин, Т.М. Китанина, В.А. Нардова, С.И. Потолов, Ю.Б. Соловьёв, В.Г. Чернуха<sup>33</sup>. Это поколение, родившееся на рубеже 1920–1930-х гг., и создало новый, по сути своей, институт, ставший олицетворением академической традиции. В 1984 г. «капиталистами» (Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным, Б.Б. Дубенцовым и В.С. Дякиным) был выпущен классический труд «Кризис самодержавия в России, 1895–1917»<sup>34</sup>.

---

пополнение нашей империалистической группы» (Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов... С. 425).

<sup>28</sup> Цамутали А.Н. Указ. соч. С. 10; Панеях В.М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. 1993. №10. С. 19.

<sup>29</sup> «Радио России – Санкт-Петербург». Программа «Исторический клуб». 14 октября 2014 г. \ (URL:[http://www.rtr.spb.ru/radio\\_ru/First\\_Person/news\\_detail\\_v.asp?id=7322](http://www.rtr.spb.ru/radio_ru/First_Person/news_detail_v.asp?id=7322)).

<sup>30</sup> В 1986 г. сектор истории СССР периода капитализма был преобразован в отдел (с 1993 г. Отдел Новой истории России СПбИИ РАН).

<sup>31</sup> По мнению директора СПбИИ РАН профессора Н.Н. Смирнова, на протяжении многих лет этот отдел являлся «головным, во многом определявшим лицо института» (Смирнов Н.Н. Слово о коллеге, учёном и учителе (К 80-летию со дня рождения Алексея Николаевича Цамутали) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 265).

<sup>32</sup> Р.Ш. Ганелин говорил, что самые «серьёзные и значительные коллективные работы институт выпустил к 40-летию и к 50-летию Октября» (Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации Петрограда в 1917 г.: к истории буржуазной контрреволюции // Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде. М., 1957. С. 259–317; Экономическое положение в России накануне революции: Документы и материалы, март–октябрь 1917 г. / Сост. П.В. Волобуев, Р.Ш. Ганелин, В.А. Емец и др. Ч. 1–2. Л., 1957; Ганелин Р.Ш. Накануне 1917 г. // Октябрьское вооружённое восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1. Л., 1967. С. 9–46; он же. Революционное движение в Петрограде после свержения самодержавия // Там же. С. 103–177; он же. Политика царизма и американский капитал во время Первой мировой войны (конец 1915 – начало 1916 гг.) // Внутренняя политика царизма (середина XVI–XX в.). М., 1967. С. 321–362).

<sup>33</sup> Сам Р.Ш. Ганелин полагал, что «талантливейшим» историком их отдела был В.С. Дякин – «автор большей части нашей книги “Кризис самодержавия в России, 1895–1917”».

<sup>34</sup> Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. В 1996 г. коллективом СПбИИ РАН была выпущена книга «Власть и реформы: от самодержавной к советской России», аккумулировавшая многолетние усилия ведущих научных сотрудников института, в создании которой также

За годы своей научной деятельности Р.Ш. Ганелин проявил себя как выдающийся публикатор. Так, им была составлена подборка документов о трагической судьбе ленинградского историка В.Н. Кашина<sup>35</sup>, подготовлены к печати материалы о процессе над М. Бейлисом<sup>36</sup>, блестяще изданы бумаги А.Н. Яхонтова<sup>37</sup>, в 1914–1916 гг. служившего помощником управляющего делами Совета министров и почти дословно записывавшего прения, происходившие на заседаниях<sup>38</sup>.

Однако особое значение Рафаил Шоломович придавал своему участию в подготовке полноценного научного издания «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте, которого он считал «очень способным человеком» и крупнейшим государственным деятелем России рубежа XIX–XX вв. В этой работе как нельзя лучше проявилось его плодотворное научное и человеческое содружество с Б.В. Ананьичем. «В нашей дружбе, – со свойственной ему скромностью рассказывал Борис Васильевич, – Рафаил Шоломович всегда играл роль старшего – и по возрасту, и в плане вырабатывания всевозможных научных проектов»<sup>39</sup>. «Мы с Борисом Васильевичем – виттеведы», – любил повторять Ганелин. Но, в отличие от Б.В. Ананьича, изучавшего преимущественно финансовые отношения второй половины XIX – начала XX в.<sup>40</sup>, он сосредоточился на политической истории России, создав ряд впечатляющих исторических портретов Александра II, С.Ю. Витте, Николая II, вел. кн. Михаила Александровича, М.М. Литвинова, И.В. Сталина.

В 1958 г. директор Института истории АН СССР А.Л. Сидоров предложил Д.И. Надточееву (возглавлявшему Соцэкгиз и выхлопотавшему цензурные послабления для поправления дел убыточного издательства) переиздать мемуары С.Ю. Витте, впервые опубликованные в 1921 г. в Берлине, а в 1923 г. напечатанные в Советской России<sup>41</sup>. Комментирование каждого из трёх томов было поручено двоим историкам. Второй и третий тома, в которых говорилось о царствовании Николая II, достались московским ученикам А.Л. Сидорова – И.В. Бестужеву, В.И. Бовыкину, В.А. Емецу и К.Н. Тарновскому, а комментирование первого тома поручили Р.Ш. Ганелину и Б.В. Ананьичу (тогда ещё даже не защитившему кандидатскую диссертацию). «Эта работа стала для нас роковой, – писали они позднее. – Сказалась притягательная сила Витте как

---

принимал участие Р.Ш. Ганелин.

<sup>35</sup> «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / Сост. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2006.

<sup>36</sup> Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве / Сост. Р.Ш. Ганелин, В.Е. Кельнер, И.В. Лукоянов. СПб., 1999.

<sup>37</sup> Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка) / Публ. Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, В.В. Лапина и М.Ф. Флоринского. СПб., 1999.

<sup>38</sup> Подробнее см.: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* А.Н. Яхонтов и его «Тяжёлые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия: Сборник научных статей к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 672–673.

<sup>39</sup> Интервью с Б.В. Ананьичем. 14 октября 2014 г. Архив автора.

<sup>40</sup> См., например: *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал, 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; *он же.* Российское самодержавие и вывоз капиталов: 1895–1914 гг. (По материалам Учётно-ссудного банка Персии). Л., 1975; *он же.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991; и др.

<sup>41</sup> *Ганелин Р.Ш.* Советские историки... С. 143.

исторической личности»<sup>42</sup>. В результате помимо комментариев появилась обстоятельная статья, в которой выявлялся круг источников, использовавшихся Витте при работе над мемуарами, и показывалось, как рукописи воспоминаний, тщательно охранявшиеся автором от посторонних глаз, служили ему при организации кампаний в печати, как до, так и после 1906 г.<sup>43</sup> В 1994 г. данная статья была существенно дополнена и вышла отдельной брошюрой<sup>44</sup>. А в 1999 г. соавторы выпустили фундаментальную политическую биографию С.Ю. Витте, ставшую заметным событием в отечественной историографии<sup>45</sup>.

Однако изданные в 1920-е гг. мемуары Витте, по сути, представляли собой «сводные тексты, составленные из различных фрагментов рассказов Витте в стенографической записи и его рукописных заметок»<sup>46</sup>. Как отмечал ещё Б.А. Романов, рецензировавший первое советское издание воспоминаний, «два первые тома представили результат отважной редакторской сшивки параллельных разнохарактерных повествований»<sup>47</sup>. Поэтому, не ставя под сомнение ценность данного источника, в котором отразилась «цельная политическая концепция и согласованная с нею программа», Борис Александрович констатировал тогда, что «мы так и не имеем полного и безукоризненно научного издания мемуарного наследия Витте»<sup>48</sup>.

Лишь в 1989 г., работая по приглашению американской стороны в Бахметевском архиве Колумбийского университета, Ганелин смог сделать ксерокопию хранящегося там подлинника рукописей и диктовок Витте. Ксерокс этот, как вспоминал Рафаил Шоломович, в «те времена стоил очень дорого и занимал огромный чемодан», вызвавший пристальное внимание нью-йоркской таможни. Спустя 14 лет в России появилось новое издание воспоминаний Сергея Юльевича, в котором его рассказы воспроизводились именно в том виде, в каком были написаны или продиктованы им стенографу. «Исследователь, — указывали в предисловии Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, — получает теперь возможность использовать все варианты изложения этих сюжетов с указанием места, времени и формы (устной или письменной), в которой оно производилось и установить контекст в каждом случае»<sup>49</sup>. При этом особо оговаривалось, что «Витте — не обычный мемуарист, его воспоминания — не эпический рассказ о прошлом человека, навсегда покинувшего политическую сцену и занявшего место стороннего наблюдателя за происходящим»: «До последнего дня своей жизни он оставался увлечённым и страстным политиком, не терявшим надежды вернуть утраченные им влияние и власть. Достижению этой цели было подчинено и писание мемуаров. В результате перед нами — не только уникальный по своему значению, но и предельно сложный источник»<sup>50</sup>. Таким

<sup>42</sup> Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 3.

<sup>43</sup> Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Л., 1963. С. 298–374. См. также: Ганелин Р.Ш., Панях В.М., Фурсенко А.А. Борис Васильевич Ананьич... С. 7.

<sup>44</sup> Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994.

<sup>45</sup> Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время.

<sup>46</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 4.

<sup>47</sup> Борьба классов. Исторический журнал. 1924. № 1–2. С. 338. В изданиях 1920-х гг. в первых томах речь шла о царствовании Николая II, а в третьем — о детстве и молодости мемуариста.

<sup>48</sup> Книга и революция. 1923. № 2. С. 54–56.

<sup>49</sup> Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его воспоминания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. С. 16.

<sup>50</sup> Там же. С. 5.

образом, задачу, поставленную некогда Б.А. Романовым, решили его ученики. Именно завершение работы над полноценным академическим изданием «Воспоминаний» С.Ю. Витте Р.Ш. Ганелин считал главным успехом своей научной жизни. Однако «роман с Витте», как говорил Рафаил Шоломович, на этом не закончился. В 2012–2014 гг. вышли два тома, объединённые общим названием «На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации». В первом из них под редакцией Р.Ш. Ганелина был впервые опубликован обширный труд М.К. Лемке «Святая дружина Александра III»<sup>51</sup>. Второй том, ответственными редакторами которого стали Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, включал разнообразные материалы о деятельности С.Ю. Витте, его сотрудниках и оппонентах<sup>52</sup>.

Большое значение имели и монографии Р.Ш. Ганелина. Сам он любил называть себя «американистом». Действительно, его перу принадлежит крупнейшая обобщающая работа по истории российско-американских связей 1914–1917 гг., посвящённая автором памяти Б.А. Романова<sup>53</sup>. В ней на архивном материале (преимущественно на документах из фонда Министерства финансов), и с учётом как русской, так и зарубежной историографии, не только рассматривался «коренной для политической действительности 1914–1917 гг. вопрос о войне, мире и революции» и характеризовались экономические отношения двух стран, контакты их финансовых кругов и дипломатических представителей, но и открывалась возможность услышать, как говаривал когда-то Романов, «переключку нескольких столиц»<sup>54</sup>. В следующей книге Ганелин хронологически продолжил своё исследование, доведя его до начала 1918 г.<sup>55</sup>

В написанной в годы перестройки классической монографии «Российское самодержавие в 1905 году» Ганелин проследил взаимосвязь политических реформ и революционного процесса, показав «психологическую драму расставания с самодержавной властью»<sup>56</sup>. Суть её он усматривал в том, что «глубокая и искренняя уверенность в специфическом характере исторического пути развития России, господстве в сознании русского народа идеи божественного происхождения царской власти, неприменимости в российской действительности парламентских форм правления западного типа и самой теории общественного договора делали консервацию государственного строя религиозно-нравственным долгом монарха». И соответственно «все изменения в характере строя производились как бы в отступление от этого долга»<sup>57</sup>. В результате, уступки, сделанные царём политической оппозиции в 1904–1905 гг., постоянно оказывались недостаточными и несвоевременными.

---

<sup>51</sup> Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881–1882 годы. По неизданным документам / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2012.

<sup>52</sup> С.Ю. Витте и его современники / Отв. ред. Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин. СПб., 2014.

<sup>53</sup> Ганелин Р.Ш. Россия и США, 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.

<sup>54</sup> Там же. С. 6; Ганелин Р.Ш., Носков В.В., Плешков В.Н. Академик Александр Александрович Фурсенко (1927–2008) // Россия и русистика новейшего времени...

<sup>55</sup> Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975.

<sup>56</sup> Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 3.

<sup>57</sup> Там же. С. 218. «Виттеведы» Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин всегда были далеки от идеализации Николая II. См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 65; Ганелин Р.Ш. Николай II и Александра Фёдоровна в переписке друг с другом перед убийством Распутина // Россия в XX веке: Сборник статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора Валерия Александровича Шишкина. СПб, 2005. С. 267–287.

Небольшая брошюра «Тартуское студенчество на пороге XX века» явно свидетельствует о глубокой симпатии Ганелина к Тарту (его семья на протяжении многих лет отдыхала в Эстонии). Учёный видел там уникальный островок свободы, предполагавшей в том числе и «интерес к освободительным и социалистическим идеям»<sup>58</sup>. Особое его внимание привлекало слияние традиций старого немецкого университетского города, пассионарности студентов-евреев, перебивавшихся в Юрьев из других российских городов, и свободолюбия эстонцев.

Во всём блеске литературный талант Р.Ш. Ганелина, тонкого психолога и наблюдателя, проявился в его воспоминаниях<sup>59</sup>. Как справедливо заметил С.К. Лебедев, «текст Р.Ш. Ганелина есть событие литературы, сколь изящной, столь и историографической»<sup>60</sup>. На страницах этой книги перед читателем, как живые, возникают образы знаменитых историков – С.Н. Валка, П.А. Зайончковского, Н.А. Корнатовского, В.В. Мавродина, Б.А. Романова, Е.В. Тарле и др. Не надо думать, утверждает автор, будто в советское время гуманитарии жили в каком-то застенке. Напротив, те люди, с которыми общался и работал Ганелин, находили возможность не только мыслить максимально свободно, но и изыскивать лазейки, позволявшие им очень часто, несмотря на существование бдительной цензуры, писать то, что они искренне считали верным и необходимым.

В последние годы жизни Ганелин много размышлял о сталинской эпохе и о самом Сталине, которого с едкой иронией называл «Учитель». Переход к изучению сталинизма объяснялся, помимо личного интереса, и тем, что по состоянию здоровья Рафаил Шоломович уже не мог посещать РГИА, где хранится большая часть документов по истории императорской России, а опускать планку своих исследований он не желал. Заниматься же историографией последних царствований ему, по собственному признанию, было не очень интересно. «Другое дело – эпоха “Учителя”, – говорил он. – Здесь такой пласт уже опубликованных сборников документов, что моей жизни не хватит, чтобы в них разобраться». При этом отношение Ганелина к Сталину было непримиримым. Тут всё сошлось воедино: и неприятие любой формы огосударствления и контроля над духовным миром человека, тем более – над творческой свободой учёного, и возмущение против государственного антисемитизма последних лет сталинской эпохи, и болезненная реакция на «отвратительное лакейское угодничество» перед «отцом народов», которое Рафаил Шоломович не переносил.

Особое внимание Ганелина привлекали личные контакты правителей нацистской Германии и Советского Союза. «Сталин не верил никому и никогда, – напоминал он. – Поверил только Гитлеру»<sup>61</sup>. Историк предполагал, что диктаторы тайно встречались ещё в 1931 г., «и, несмотря на стремление провести друг друга, испытывали своего рода взаимное влечение»<sup>62</sup>. Ему казалось, что

<sup>58</sup> Ганелин Р.Ш. Тартуское студенчество на пороге XX века. СПб., 2002.

<sup>59</sup> Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чём они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. СПб, 2004. Вторым, исправленным, дополненным и расширенным, изданием книга вышла в 2006 г.

<sup>60</sup> Лебедев С.К. Некоторые рассуждения о мемуарах Р.Ш. Ганелина // История Петербурга. 2005. № 4. С. 91.

<sup>61</sup> Ср. со словами В.М. Молотова: «Сталин поверил Гитлеру? Он своим-то далеко не всем доверял! И были на то основания» (Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М, 1999. С. 42).

<sup>62</sup> Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических

«их соперничество вовсе не исключало взаимного восхищения», а «чувство взаимного доверия, хотя и очень своеобразного», было основано на общности методов борьбы с политическими противниками и ощущении «неограниченной власти» партнёра<sup>63</sup>. К тому же, оба они являлись «человеконенавистниками»<sup>64</sup>. Обладая, помимо традиционных дипломатических, собственными каналами связи между собой, Сталин и Гитлер могли, полагал Рафаил Шоломович, оперативно обмениваться мнениями по злободневным вопросам<sup>65</sup>.

В 2010 г. Ганелин обобщил свои наблюдения в монографии «СССР и Германия перед войной»<sup>66</sup>. Рецензируя эту книгу, петербургский историк Д.Г. Янченко отметил её «фундаментальность», «виртуозный источниковедческий анализ», а также стремление автора раскрыть «взаимосвязь внутренней репрессивной политики СССР с проводимым внешнеполитическим курсом» и показать логичность сближения Гитлера и Сталина в августе 1939 г.<sup>67</sup> Считая, что «по большому счёту заключённый в августе 1939 года договор справедливо называть пактом не Молотова–Риббентропа, а Сталина–Гитлера», Ганелин видел в его подписании крупнейшую внешнеполитическую ошибку советского лидера, совершение которой вовсе «не было исторической неизбежностью». Однако вплоть до 22 июня 1941 г. Сталин «оболащался, считая, что сумеет переиграть Гитлера»<sup>68</sup>. «Гитлер, на мой взгляд, – говорил Рафаил Шоломович, – был одним из немногих, кому удалось разгадать строй сталинского мышления. Разумеется, Сталин понимал неизбежность войны с Германией, но он считал себя способным обмануть Гитлера, и тот, по-видимому, усвоив это, обманул Сталина сам»<sup>69</sup>. Не случайно позднее Сталин не раз пытался «сделать вид, что в пакте с немцами был виноват всё тот же Молотов»<sup>70</sup>. Стремление Сталина полностью сосредоточить выработку внешнеполитического курса в своих руках Ганелин связывал с «безответственностью вождя». Между тем И.В. Сталин был абсолютно искренне убеждён в эффективности единоличного принятия им важнейших решений, без согласования их с кем-либо<sup>71</sup>.

Отрадно, что в 2013 г. московское издательство «Новый хронограф» выпустило книгу Р.Ш. Ганелина «В России двадцатого века. Статьи разных лет». В её состав вошли как работы, посвящённые событиям 1905–1917 гг.,

---

связей. СПб, 2010. С. 254.

<sup>63</sup> Доверял ли Сталин Гитлеру? // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 7 октября. О том, что Сталин перед войной «восхищался» Гитлером писал и его личный переводчик В.М. Бережков (*Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. М, 1993. С. 215).

<sup>64</sup> Ганелин Р.Ш. СССР и Германия... С. 8.

<sup>65</sup> Ганелин Р.Ш. Советские официальные сообщения о политике Германии 30 ноября 1939 г. и 14 июня 1941 г.: происхождение и судьба // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: Сборник статей. СПб, 2013. С. 343.

<sup>66</sup> Ганелин Р.Ш. СССР и Германия...

<sup>67</sup> Янченко Д.Г. Рец. на кн.: Ганелин Р.Ш. СССР и Германия... // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 4. С. 224.

<sup>68</sup> Тайный «роман» вождей // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 20 августа.

<sup>69</sup> Доверял ли Сталин Гитлеру?

<sup>70</sup> Тайный «роман» вождей.

<sup>71</sup> Ганелин Р.Ш. Дело М.М. Литвинова на XVIII конференции ВКП (б) // Новейшая история России. 2011. №1. С. 131. Сталинской эпохе посвящены и некоторые другие работы учёного: Ганелин Р.Ш. И.В. Сталин, А.Я. Вышинский и Ю.П. Францев в 1949–1953 гг.: от борьбы с космополитизмом к «делу врачей» // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 171–191; он же. На пути к борьбе с «космополитизмом». Заметки о еврейском вопросе в политике и идеологии советской власти 30-х – 40-х гг. // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2014 г. СПб, 2014. С. 13–53.

большинство из которых были опубликованы уже достаточно давно, так и очерки, написанные в последние два десятилетия и объединённые темой «Учёные и власть. Портреты и судьбы». Читатели моментально раскупили небольшой тираж книги, и теперь остаётся надеяться только на её переиздание.

Несмотря на возраст, историк был полон амбициозных планов: обдумывал 3-е издание своих воспоминаний, в которых хотел довести изложение событий до 1991 г., мечтал «подготовить книжонку» о «борьбе с космополитами» в последние годы жизни Сталина. «Как это ни странно, у меня по-прежнему очень много работы», – с радостью говорил он. Судьба распорядилась иначе: Рафаил Шоломович, сделавший для науки очень много, *все* свои планы воплотить в жизнь так и не успел.

Последняя наша встреча была очень тревожной. Рафаилу Шоломовичу предстояла операция по замене кардиостимулятора. «Ожидалось, что батарейка меня переживёт, а оказалось наоборот: её срок эксплуатации истёк, а я всё ещё ползаю над землёй», – шутил Р.Ш. Ганелин. Его силы заметно подтачивала и нервотрёпка, связанная с переживаниями за судьбу Академии наук и любимого ЛОИИ. Тем не менее на вопрос о самочувствии он всегда отвечал: «Терпимо, по возрасту, я по-прежнему на посту!»

Тревожили его и сводки политических новостей, свидетельствующие, о нарастании градуса насилия в мире. Но и тут, как и всегда, он оставался при своём мнении... «И нашим, и вашим уже поздно мне внушать», – говорил Ганелин. При нашей последней встрече Рафаил Шоломович внезапно, прощаясь в дверях, прочитал мне стихотворение любимого им Игоря Губермана:

Где лгут и себе, и друг другу,  
и память не служит уму,  
История ходит по кругу  
из крови – по грязи – во тьму<sup>72</sup>.

Постылый и зачастую формальный штамп – «невосполнимая потеря» – в данном случае – не дань жанру. Умер действительно выдающийся учёный, педагог, замечательный человек, во многом являвшийся олицетворением всего того лучшего, что заключает в себе понятие «русская интеллигенция».

---

<sup>72</sup> Другое стихотворение Губермана, которое Ганелин считал очень точно отражающим суть истории: «Подлинность истории – // Не в бумажной каше, // Красящей прошедшее // Контурно и бледно, // Подлинность истории – // Смех и слезы наши, // Таящие в воздухе // Быстро и бесследно».